

О. В. ТВОРОГОВ

К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет»

Особенности языка летописи в связи с вопросом о природе древнерусского литературного языка давно привлекают внимание ученых. Еще М. И. Сухомлинов отмечал, что «в языке и слоге древней летописи ясно различаются два элемента: церковнославянский и русский. Первый является в местах, заимствованных из св. писания ... Преобладающий элемент в языке летописи — в рассказе событий, который и составляет летопись собственно, — есть русский».¹ И. И. Срезневский в своей работе «Чтения о древних русских летописях»,² уточняя наблюдения М. И. Сухомлинова, указывал, что в летописи действительно наблюдается «постоянное смешение двух наречий, церковнославянского и русского» (стр. 124), что «по местам кое-где заметно более влияние церковнославянское, а кое-где более влияние русское, но нигде нет ни того, ни другого наречия отдельно» (разрядка наша, — О. Т.) (стр. 125). Придя к выводу, что летопись написана на языке «русском, смешанном с церковным», И. И. Срезневский по-своему объясняет и возникновение такого «смешанного» языка: летописец «ни к чему не присматривался, а писал так, как случилось (разрядка наша, — О. Т.), заботясь не о правильности языка церковного, а о достоинстве слога, и черпая для этого из церковного языка так же, как делаем мы это и теперь» (стр. 131). А. А. Шахматов в соответствии со своими взглядами на природу древнерусского литературного языка³ стремился придать языку реконструируемой им «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) церковнославянский облик, «сохраняя» и «допуская русские черты лишь при подтверждении их старшими списками».⁴

К изучению языка ПВЛ в интересующем нас аспекте обращались и советские лингвисты. Л. П. Якубинский, как и А. А. Шахматов, считал, что на первых порах существования русской письменности литературным языком являлся старославянский. Однако вскоре он «поступает на службу древнерусскому литературному языку, его лексика образует один из его стилистических слоев».⁵ Сопоставив два небольших фрагмента из ПВЛ по Ипатьевскому списку (выступление Владимира Моно-

¹ М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, стр. 182—183.

² Цитируем по изданию: И. И. Срезневский. Статьи о древних русских летописях (1853—1866 гг.). СПб., 1903.

³ См., например: «... по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский... язык» (А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1934, стр. 8).

⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916, стр. LXIV—LXV.

⁵ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 301.

маха на Долобском съезде, записанное под 1103 г., и его благодарственная молитва после победы над врагами), Л. П. Якубинский писал: «... для нас важно, что летописец пользуется для передачи делового выступления Мономаха древнерусским языком, а для передачи его торжественной (разрядка наша, — О. Т.) речи — языком старославянским. Так уже в древнерусскую эпоху намечается закрепление церковнославянского языка за так называемым „высоким штилем“». ⁶ На основании других наблюдений над языком различных редакций ПВЛ ученый приходит к заключению, что перед нами отражение «перелома в развитии литературного языка к началу XII в.». Если в записи 968 г. «летописец, имея возможность выбрать между церковнославянской и русской формой, выбирает всегда церковнославянскую», то в записи 997 г. (сказание о белгородском киселе) «он выбирает уже всегда древнерусскую» (разрядка наша, — О. Т.). ⁷ Однако эти категорические выводы не подтверждаются фактами: почти любой фрагмент ПВЛ представляет собой сложную мозаику из специфических русизмов и старославянизмов на фоне нейтральной, общей обоим языкам лексики. Несколько примеров из Лаврентьевского списка ПВЛ:

«И въшедь Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; ... И рече единъ деревлянинъ: „Азь видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“» (стр. 53); ⁸ «Единою бо ми и сварящю, и оному мнущю усние, разгнѣвався на мя, преторже черевѣ рукама» (стр. 84); «Трудився вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азь же вземъ рогалью начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „Ударивше в било“» (стр. 138).

В каждом из этих фрагментов мы находим как старославянизмы (градъ, власть, азь, единою, сварящю и т. д.), так и русизмы (перея, деревлянинъ, черевѣ, полуночья, передъ). Особенно примечательно наличие русизмов в рассказе Нестора о перенесении мощей Феодосия, в котором (если следовать Л. П. Якубинскому) можно было бы ожидать выдержанной старославянизации. Число подобных примеров нетрудно увеличить.

В 40-е годы внимание исследователей привлекает судьба отдельных старославянизмов, традиционно употреблявшихся в определенных словосочетаниях или грамматических конструкциях независимо от содержания контекста.

С. П. Обнорский справедливо указал, что следует учитывать наличие старославянской и русской лексики «в известных готовых сочетаниях или в известном смысловом представлении, навеянных реминисценциями из церковных источников». ⁹

Ф. П. Филин в своей работе, построенной преимущественно на материале ПВЛ, приходит к аналогичным выводам. Так, анализируя употребление неполногласной формы *възвратитися*, которая поддерживалась «наличием в письменном языке вошедших в оборот церковнославянских фразеологических штампов, составной частью которых было данное слово», автор отмечает, что «церковно-религиозная система мышления древних летописцев в значительной мере определяла выбор тех или иных языковых

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 304.

⁸ Все цитаты даем по изданию: Повесть временных лет, ч. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 72—73.

средств выражения».¹⁰ Большой интерес представляют также наблюдения Ф. П. Филина над употреблением в ПВЛ дублета *градъ—городъ*.¹¹

Таким образом, и С. П. Обнорский, и Ф. П. Филин отметили, что использование старославянизмов зависит не только от жанрового характера, содержания данной летописной записи (как считал, например, Л. П. Якубинский), но и от индивидуальной судьбы каждого старославянизма в древнерусском литературном языке.

Наблюдения над языком ПВЛ (по Лаврентьевскому списку) подтвердили эту мысль и привели нас к следующим выводам.

В ПВЛ не наблюдается преднамеренного, подчиненного твердым правилам употребления старославянизмов (используемого для создания «высокого штиля», как утверждал Л. П. Якубинский). Мы можем говорить лишь о тенденциях, изучение которых представляет большой интерес.

На выбор старославянской или древнерусской формы оказывали влияние следующие факторы:

- а) семантическая дифференциация старославянизмов и русизмов;
- б) употребление их в составе устойчивых словосочетаний или оборотов речи;
- в) характер изображаемого, та ситуация, в описании которой применен данный старославянизм или русизм.¹²

При наблюдениях над использованием старославянизмов и русизмов в языке ПВЛ надо учитывать: что Лаврентьевский список — результат двухсотпятидесятилетней истории текста, в котором архетип претерпел существенные изменения; что различные категории старославянизмов по-разному усваивались и употреблялись создателями ПВЛ.

Наиболее бесспорным фактором, влияющим на выбор русского или старославянского варианта, является закрепление за каждым из них определенного значения. Так, в значении «господство над кем-либо; политическое господство» в ПВЛ употребляется только старославянизм *власть*: только форма *исходити* могла иметь значение «истекать (о времени)»; старославянизм *стражь* выступает в значении «сторож, тот кто охраняет что-либо, кого-либо», тогда как *сторожи* — «передовой отряд, авангард»;¹³ в значении «область, удел, государство» в ПВЛ выступает только старославянизм *страна*. Мы не будем задерживать внимание на этом хорошо известном явлении.

Менее исследован второй фактор, влияющий на выбор старославянизма, — использование его в определенном устойчивом словосочетании, фразеологическом обороте, грамматической конструкции. Несколько примеров.

Глаголы *изити* (*исходити*) — *выити* (*выходити*) употреблены в ПВЛ соответственно 54 и 7 раз. Чем объясняется преобладание глагола со старославянской приставкой?

Только с приставкой *из-* употребляется этот глагол в тексте цитат из культовых книг; в описании библейских эпизодов (см. стр. 59, 63, 65, 69,

¹⁰ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 80. Л., 1949, стр. 75.

¹¹ Там же, стр. 94—102.

¹² Еще раз подчеркиваем, что предмет описания оказывал на выбор слова значительно меньшее влияние, чем это предполагалось. Исключения составляют цитаты из культовых текстов.

¹³ Ср. «Сънемше ѿ (Иисуса) со креста, положиша ѿ въ гробѣ, и печатьми запечатльша гробъ люди жидовьстии, стражи поставиша, ркуще: „Еда украдутъ ѿ ученици его“» (ПВЛ, стр. 72). «Онъ же (Претич) рече: „Азь есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множество“» (ПВЛ, стр. 48).

70 и др.), в цитатах из переводных источников (стр. 9, 36, 111, 152 и др.). Но особенно интересно проследить за употреблением глагола *изити* (*исходити*) в оригинальных летописных записях, где, казалось бы, ничто не мешало его замене русизмом *выити*. Например:

946: Ольга съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша деревляне противу (стр. 42).

1093: ... приде Святополкъ Къеву. Изидоша противу ему кияне с поклоном... (стр. 143).

1099: Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы (стр. 181).

Всего мы насчитываем 29 употреблений глагола *изити*, где его замена русизмом была бы возможна. Этой замене препятствовали следующие факторы:

устойчивость словосочетания *изити противу* (в большинстве случаев со значением «выйти на бой, пойти войной на кого-либо»¹⁴), употребленного в ПВЛ 11 раз (стр. 42, 47, 50, 53, 99 и др.). Словосочетания *выити противу* в ПВЛ мы не встречаем;

словосочетание *изити противу* часто употреблялось при описаниях встречи князя горожанами (см. приведенный выше пример из статьи 1093 г.). По аналогии глагол *изити* использовался и вне этого словосочетания при изображении той же ситуации. Например, 988: И приде (греческая царица) къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ... (стр. 77);

употребление словосочетания *изити противу* со значением «выйти на бой, пойти войной на кого-либо», возможно, оказало влияние на использование старославянизма в сочетании *изити на* с тем же значением. Например, 1068: ... Святослав же собравъ дружины нѣколько, изиде на нѣ (половцев) ко Сновьску (стр. 115);

можно предположить, что на предпочтение старославянизма *изити* оказывало влияние также его созвучие с нередко следующим за ним предлогом *изъ* (*изити изъ*, *исходити изъ* встречается в ПВЛ 12 раз, почти во всех случаях, когда глагол не употреблен в составе словосочетаний *изити противу*, *изити на*). В то же время глагола *выити*, содержащего чуждое русской орфоэпии звание, старались по возможности избегать. В последнем мнении утверждает нас следующее наблюдение: из 6 применений русизма *выити* в Лаврентьевском списке ПВЛ Ипатьевский сохраняет лишь одно, в остальных случаях заменяя русизм или искажая его даже в ущерб смыслу:

Лаврентьевский список

вышедше изъ града...
выидяше изъ монастыря...
выииде на Желаню...
выиде и Стародуба...
выииде Мстиславъ от Давыда...

Ипатьевский список¹⁵

шедше из города...
вънъ идяше изъ монастыря...
выииде на Желаню...
вниде исо Стародуба вонъ...
вниде от Давыда Мьстиславъ...

На примере слов *изити*—*выити* мы продемонстрировали возможное влияние одного фактора — традиционного употребления старославянизма в широко применяемом устойчивом словосочетании.

Еще пример. Слова *злато*—*золото* встречаются в Лаврентьевском списке ПВЛ соответственно 19 и 3 раза. Старославянизм *злато* 10 раз выступает в составе словосочетания *злато* и *сребро*, имеющего иногда

¹⁴ Ср. также обороты *поити противу*, *стати противу*, часто употребляемые в летописи.

¹⁵ Цитируем по Ипатьевской летописи: ПСРЛ, т. II. Изд. 2. СПб., 1908.

обобщенное значение «драгоценности».¹⁶ Выше мы высказали предположение, что под влиянием словосочетания *изити противу* старославянизм *изити* постоянно употребляется и вне этого словосочетания при изображении тех же ситуаций. Не является ли употребление формы *злато* при описании богатств, даров, дани отражением того же процесса семантической аналогии? Действительно, в ПВЛ мы встречаем также 6 случаев совместного употребления слов *злато* и *паволоки* (стр. 34, 48, 50 и др.). Сравним употребление слова *золото*, выступающего в ПВЛ для обозначения определенного металла и изделий из него: см. стр. 39, 52, 100.

Итак, наличие старославянской формы в широко распространенном устойчивом словосочетании могло способствовать ее большей употребимости и в тематически близких контекстах.

Мы приводили уже высказывание Л. П. Якубинского об использовании старославянской лексики как стилистического средства, о закреплении старославянского языка за «высоким штилем».¹⁷ К аналогичным выводам пришел и С. П. Обнорский. Анализируя «Поучение» Владимира Мономаха, он указывал, что «дифференцированное использование той и другой лексики (болгаризмов и русизмов, — О. Т.) в старом литературном языке находилось в связи с жанровым разнообразием самих литературных произведений».¹⁸ Такое «жанровое разнообразие», характерное для «Поучения», присуще и ПВЛ.

Какие же фрагменты этого памятника требовали «высокого штиля»? Естественно, что славянизирован язык цитат из Библии и церковно-учительных произведений, язык так называемой «Речи философа», сказания об убийстве Бориса и Глеба. Русизмы (*норовъ*, *роба*, *ражатися*, *повѣдучи* и др.) в нем необычайно редки.

Однако другие фрагменты житейного характера, в которых мы могли бы также ожидать устойчивого применения старославянизмов, подверглись значительно большей русификации. Так, в рассказе об Антонии (статья 1051 г., стр. 105—106) встречаются русизмы: «чересь день», «копая печеру»,¹⁹ «язь васъ постригалъ»,²⁰ «самъ хочю», «преже»²¹ и т. д. Сравни также русизмы в рассказе Нестора о перенесении мощей Феодосия (статья 1091 г., стр. 138—139): «в печеру», «до полуночья», «не могуче», «передь пещерою», «видуче», «вынесоша и» и т. д.

С другой стороны, в погодных записях мы встретим немало старославянизмов. Так, например, в статье 1096 г. (исключая «Поучение» Владимира Мономаха и фрагмент из Откровения Мефодия Патарского) мы обнаружим: «гражане», «пред враты», «побѣже тои нощи», «повелѣ зажещи», «азь есмь мний», «ста предь градомъ» и т. д.

Обратившись к пословному анализу, мы установим, что слово «нощъ» в ПВЛ употреблено 35 раз против 6 употреблений русизма «ночь», что среди сопоставимых дублетов с приставками *пре-* и *пере-* преобладают

¹⁶ Ср. аналогичные наблюдения Ф. П. Филина (Лексика русского литературного языка..., стр. 105—106).

¹⁷ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 301.

¹⁸ С. П. Обнорский. Очерки по истории..., стр. 73—74.

¹⁹ Русизм *печера* в Лаврентьевском списке ПВЛ встречается 32 раза, старославянизм *пещера* — 5 раз. Нет ли здесь влияния разговорной нормы: названия «Печерский монастырь»?

²⁰ В Радзивилловском и Ипатьевском списках читается «я».

²¹ Отметим что Лаврентьевский список не знает ни старославянизма *прежде*, ни русизма *переже*. Наречие *преже* употреблено 32 раза, причем неоднократно в цитатах из Библии. Это наречие с русским *ж*, но старославянской приставкой *пре-* читается и в Ипатьевском списке. В Хлебниковском списке часто употребляется форма *преждс*.

слова со старославянской приставкой (напомним наблюдения над словом *преже*, ср.: *предати* — 18 раз, *передати* — нет, *предатися* — 11 раз, *передатися* — 3 раза, *преити* — 6 раз, *перейти* — 4 раза и т. д.). Об употреблении формы *градъ* в определенных конструкциях писал Ф. П. Филин (см. прим. 12). Учитывая, что форма *градъ* употреблена в ПВЛ 196 раз, а *городъ* — лишь 53 раза, мы можем объяснить этим сравнительно частое употребление формы *гражане* (4 раза, *горожане* — 3 раза). Местоимение *азъ* встречается в ПВЛ 63 раза, его русские дублеты *язъ* и *я* — соответственно 8 и 7 раз. Русизмы встречаются в речи Игоря (стр. 40), в словах Владимира Блуду (стр. 54), в просьбе, с которой должен, по мнению последнего, обратиться к Владимиру Ярополк (стр. 55). Они употреблены в речи печенежского князя (стр. 84) и белгородского старца (стр. 87), в душевном обращении Изяслава к брату (стр. 134), в речи русских пленников (стр. 147). Наконец, четыре раза употребляется это местоимение в так называемом «Рассказе Василия» (стр. 172, 174, 177 дважды). *Азъ* употребляется всегда в цитатах из Библии и описании библейских событий (стр. 45, 63, 69 дважды, 70 дважды, 91, 102 дважды, 146), в молитвах (стр. 92, 93), тексте договора (стр. 52 трижды), в речи летописца (стр. 108, 138 пять раз, 147, 186).

Итак, в статье 1096 г., созданной в начале XII в., когда, по мнению Л. П. Якубинского, летописец выбирал «всегда древнерусскую» форму,²² мы встречаем немало старославянизмов. Но для объективного рассмотрения этого явления следует проследить отдельно судьбу каждого старославянизма.

Можно предположить, что причина стилистической пестроты, проиллюстрированной выше, — результат позднейших редакционных правок. Однако сопоставление древнейших списков ПВЛ опровергает это мнение. Ряд старославянизмов и русизмов читается на тех же местах во всех списках и, следовательно, может возводиться к архетипу ПВЛ, а в остальных случаях разночтения не носят характера стилистических правок, отражающих определенную тенденцию. Так, из 15 употреблений русской формы местоимения 1-го лица в Лаврентьевском списке ПВЛ Радзивилловский сохраняет в тех же случаях 10 (иногда заменяя *язъ* на *я* и наоборот) и лишь в 3 случаях заменяет *язъ* формой *азъ*.²³ Ипатьевский список также сохраняет 10 употреблений русской формы местоимения (в иных чтениях, чем Радзивилловский).²⁴ Из 63 употреблений местоимения *азъ* в Лаврентьевском списке Ипатьевский 4 употребления заменяет на *язъ* и одно — на *я*.

Примером того, что разночтения древнейших списков ПВЛ не носят черт определенной стилизаторской тенденции, могут служить наблюдения над некоторыми разночтениями в статье 977 г.:

Лаврентьевский список	Ипатьевский список	Радзивилловский список
град	город	град
черес	чрес	черес
вратом	воротом	вратом
градным	городным	градным
перя	прия	прия
власть	волость	власть
един	один	един

²² Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 304.

²³ Одна фраза, содержащая местоимение *я* (по Лаврентьевскому списку), в Радзивилловском списке отсутствует.

²⁴ Одна фраза, содержащая местоимение *язъ* (по Лаврентьевскому списку), в Ипатьевском списке отсутствует.

Итак, стилистическая роль старославянизмов, вероятно, осознавалась древнерусскими авторами. Но не следует упрощать проблемы, сводить различные стилистические тенденции к единому «закону»: употреблять старославянизмы как средство создания «высокого стиля». Мы видели, что старославянизмам отдавалось предпочтение, если они входили в состав устойчивого словосочетания, традиционного оборота, по аналогии употребление старославянизма распространялось на эквивалентные обороты речи при описаниях сходных ситуаций. Неполногласный вариант мог употребляться в определенных грамматических конструкциях. Наконец, надо учитывать, что отдельные старославянизмы (например, *абъе*, *аще*, *единый*, *нощь*, *отвѣщати* и др.) или группы старославянизмов, объединенных общей морфологической чертой (например, слова с приставкой *пре-*), находили в древнерусском литературном языке широкое распространение и употреблялись без специальных стилистических функций. Мы не говорим уже о тех случаях, когда применение старославянизмов диктовалось отсутствием в русском языке равнозначных слов.

Только при учете всех этих факторов мы получим представление как о стилистической системе древнерусского литературного языка в целом, так и о стиле отдельных литературных памятников.
